

ГЛАВА 8. ИЮНЬ III

1

Утром я наткнулся на Миками-сэнсэй, появившуюся в школе впервые за несколько дней. Начало недели – понедельник, 8 июня.

Дело было незадолго до 8.30 в корпусе С, на восточной лестнице, на площадке между вторым и третьим этажами. Я поднимался, Миками-сэнсэй спускалась.

– А... доброе утро.

Засмутившись, я поздоровался очень неуклюже. Миками-сэнсэй остановилась и посмотрела на меня сверху вниз, будто увидела что-то необычное, но ее взгляд тут же ушел в сторону и неестественно устремился куда-то в пространство.

– Доброе... эмм, вы сегодня рано. Еще даже предварительного звонка не было. Ээ, в смысле...

Она не поздоровалась в ответ, вообще никак не отреагировала. Мне это показалось немного странным, но не мог же я прямо здесь, на лестнице, начать выяснять у нее, все ли в порядке. На миг повисла чертовски неуютная – скорее, смущенная – пауза, а потом...

Мы прошли друг мимо друга; Миками-сэнсэй так ни слова и не произнесла. И ровно в этот момент зазвенел звонок.

Очевидный вопрос номер один. Почему в такое время учительница спускается по лестнице? Утренний классный час вот-вот должен начаться... а она идет от классов, не наоборот. Почему?

В коридоре третьего этажа болталось несколько школьников. Но все они были из других классов – ни одного из класса 3-3.

Интересно, Мей сегодня пришла? Она решила показаться или?..

Рассеянно думая об этом, я открыл заднюю дверь класса.

И поразился.

Повод для удивления был полностью противоположным тому, что случилось в прошлый четверг, когда следователи из полиции Йомиямы отпустили меня и я вернулся в класс.

Тогда я удивился, что посреди шестого урока в классе не было ни души. Сейчас – наоборот... хотя прозвенел всего лишь самый первый утренний звонок, почти все уже были в классе – чинно сидели на своих местах и молчали.

– О... – вырвалось у меня, и несколько голов обернулись на звук. Но больше никакой реакции я не дождался – они тут же повернулись обратно.

Кубодера-сэнсэй стоял рядом с учительским возвышением. На самом возвышении стояли двое: Томохико Кадзами и Идзуми Акадзава, новая староста от девочек.

Чувствуя себя совершенно не в своей тарелке из-за странной атмосферы в молчащем классе, я медленно подошел к своему месту и сел.

– Вот что мы будем делать. Есть ли у кого-нибудь?.. Нет, сказано достаточно, я думаю, –

произнес Кадзами. В его голосе я уловил испуганную интонацию. Акадзава рядом с ним стояла, повернувшись чуть в сторону и скрестив руки на груди. Чем-то ее вид напоминал, архаично выражаясь, разбойничью атаманшу.

– Сегодня утром что, случилось что-то? – прошептал я, легонько ткнув в спину сидящего передо мной парня – его звали Вакуй. Однако тот не ответил и даже не обернулся.

Так или иначе – теперь понятно, почему Миками-сэнсэй спускалась по лестнице. Уж это-то до меня дошло. Будучи помощником классного, она присутствовала на этом собрании, а потом...

Я украдкой обежал кабинет взглядом.

Мей, как обычно, не было. Кроме того, еще две парты пустовали: та, за которой раньше сидела Юкари Сакураги, и – да, парта того парня, который внезапно умер на выходных, Икуо Такабаяси.

Кадзами и Акадзава сошли с возвышения и отправились на свои места. На возвышение поднялся Кубодера-сэнсэй.

– Мы знали Такабаяси-куна два коротких месяца, но давайте все помолимся за нашего товарища, вместе с которым учились.

Кубодера-сэнсэй нанизывал слова друг на друга с торжественным выражением лица, но почему-то звучало это все равно так, как будто он зачитывал текст из учебника.

– Его отпевание состоится сегодня в десять утра; Кадзами-кун и Акадзава-сан будут присутствовать там от лица всего класса. Я тоже пойду. Если во время моего отсутствия вам что-нибудь понадобится, обратитесь к Миками-сэнсэй. Есть ли у кого-нибудь вопросы?

Класс по-прежнему безмолвствовал.

Хотя Кубодера-сэнсэй обращался к ученикам, взгляд его упирался в какую-то точку на потолке в задней части класса.

– В нашей жизни произошло еще одно печальное событие, но мы сможем справиться с этим, не впадая в уныние, если все будем трудиться плечом к плечу.

Справиться, не впадая в уныние? Трудиться плечом к плечу? Хмм. Мне было не совсем понятно, что он имел в виду.

– А теперь... мы все должны уважать решение класса. Даже Миками-сэнсэй, несмотря на то, что она в довольно трудном положении, уже сказала нам, что сделает все возможное. А теперь... есть вопросы, все ли понятно?

После третьего «есть ли вопросы?» Кубодера-сэнсэй наконец-то впервые опустил взгляд на учеников. По-моему, все, кроме меня, торжественно кивнули.

Мда. Я совершенно ничего не понимал. Однако атмосфера не располагала к тому, чтобы поднимать руку и заявлять «у меня вопрос!»...

Несколько минут спустя Кубодера-сэнсэй вышел из класса, и за все это время он ни разу не взглянул в мою сторону. Не думаю, что мне показалось.

Первым уроком было обществоведение. Как только он кончился, я тут же встал и позвал Юю Мотидзуки.

Позавчера, в субботу, узнав по телефону о смерти Такабаяси, он тут же с пепельным лицом поспешил домой. Вне всяких сомнений, новость его потрясла. Но сейчас –

В каком-то смысле его реакция была очень откровенной.

Он не мог не слышать, как я его позвал, однако притворился глухим. Задержался, завертел головой и поспешно выскочил из класса, будто спасаясь от меня бегством. Гнаться за ним мне показалось совершенно безумной идеей, и я оставил его в покое.

Что это с ним?

Мне так подумалось: он очень не хочет, чтобы другие узнали, что он в субботу приходил ко мне.

Однако это было только начало. Вплоть до начала большой перемены во мне нарастало некое неуютное ощущение.

Дело не только в Мотидзуки.

Вот, скажем, парень, сидящий передо мной, Вакуй. Перед началом второго урока я снова ткнул его в спину и спросил: «Можно тебя на минуту?» Но он не обернулся.

Я нахмурился, не понимая, в чем дело.

У Вакуя, кажется, была хроническая астма, поэтому он даже во время занятий пользовался иногда портативным ингалятором. Я воспринимал его как более-менее родственную душу, товарища по респираторному заболеванию, а теперь... за что мне такое холодное обращение?

Я был слегка раздосадован, однако это был всего лишь один из примеров. То есть...

Ни один человек в классе не подходил ко мне потрепаться. С кем бы я ни пытался заговаривать, они либо вовсе не реагировали, как Вакуй, либо уходили, не сказав ни слова, как Мотидзуки. Даже те, с кем я до прошлой недели общался совершенно спокойно, – Кадзами, Тэсигавара и еще пара других.

На большой перемене я попытался дозвониться Тэсигаваре на мобильник. Но все, чего я добился, – стандартное сообщение «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Я трижды звонил и трижды получал этот ответ. Потом заметил Мотидзуки и окликнул его, но, как и после первого урока, он не ответил.

Так было весь день.

В конечном итоге я так ни с кем из класса и не пообщался. Да это еще что – меня даже учителя ни разу за весь день не вызывали; короче, я вообще вслух не говорил, кроме как с самим собой. Если я сам пытался заговорить с кем-то, мне никто не отвечал, и это продолжалось без конца.

С учетом всего этого...

Мне пришлось на многое посмотреть под другим углом.

Заново обдумать – и по кусочкам, и целиком – загадочность («потусторонность»), которая окутывала Мей Мисаки и которую я почувствовал с первого же появления в классе 3-3 в начале мая. Что она означает – вопрос, на который мне не удалось получить внятного ответа за целый месяц. Что лежит за ней. И какова «реальность», в которой это все существует.

3

Центральным для меня стал вопрос, который изначально даже задавать казалось нелепым, – существует ли Мей Мисаки.

Она есть или ее нет?

Есть ли она в этом классе, в этом мире, или ее нет?

Столько вопросов меня начало донимать, как только я сюда перевелся. Я даже сосчитать не мог.

Вот некто, с которым ни один другой ученик в классе не общается и даже не пытается общаться. Задним числом я осознал, что вообще ни разу не видел, чтобы кто-то из класса подошел к ней, заговорил с ней, позвал ее, да хотя бы просто произнес ее имя.

И реакции всех, когда я подходил к ней или говорил о ней...

Скажем, в первый день – реакция Кадзами и Тэсигавары, когда я увидел Мей на лавке перед нулевым корпусом и заговорил с ней. В тот же день – реакция Юкари Сакураги, когда мы, оба освобожденные от физкультуры, разговаривали и я упомянул имя Мей. Реакция Тэсигавары и Мотидзуки – это, кажется, на следующий день было? – когда я, увидев Мей в дополнительной библиотеке, зашел туда. И это не весь список. Далеко не весь.

В конце концов Тэсигавара додумался позвонить мне и предостеречь.

«Кончай обращать внимание на то, чего нет. Это паршиво».

И слова Такеру-куна, младшего брата Мидзуно-сан, которые она мне пересказала.

«„Чего ты об этом спрашиваешь? Нету таких у нас в классе”. И он говорил совершенно серьезно, я его никогда раньше таким серьезным не видела».

Она на самом-то деле существует?

То, что никто не общался и не пытался общаться с Мей, относилось не только к ее одноклассникам. Все учителя, преподающие в классе 3-3, вели себя так же.

Никто из них не проводил перекличку в начале урока. Поэтому они никогда не произносили имя «Мей Мисаки». Я ни разу не видел, чтобы ее вызвали решить задачку или прочитать текст из учебника.

Я никак не мог ее винить, что она на физре поднималась в одиночестве на крышу, вместо того чтобы смотреть вблизи. Даже если она опаздывала, или вовсе не являлась на урок, или уходила в середине экзамена, или прогуливала несколько дней подряд... ни учителя, ни ученики не обращали на это ни малейшего внимания.

Возможно, то, при каких обстоятельствах я познакомился с ней в больнице, сыграло определенную роль – даже я иногда рассматривал возможность того, что «Мей Мисаки не

существует», хоть и считал это бредом.

«Потому что меня нет».

Она сама сказала это как-то раз.

«Они меня не видят. Что если... меня видишь только ты один, Саакибара-кун?»

И я же собственными глазами видел, как она вдруг появляется и исчезает в подвале «Пустых синих глаз».

Быть может, Мей Мисаки действительно не существует; ее нет.

Быть может, она действительно что-то вроде призрака, которого могу видеть и слышать лишь я один. Быть может, она нереальна.

Ее невероятно древняя парта – единственная такая на весь класс; ее именной бейджик на груди – грязный и мятый... все это как-то вписывалось в общую картину.

...Однако.

Если мыслить реалистично – нет, такой ерунды просто не может быть. А раз так, я должен объяснить все эти события и факты как-то по-иному... Вообще говоря, был другой вывод, куда более разумный.

Мей Мисаки есть, она правда существует.

Но все вокруг нее усиленно делают вид, что никакой Мей Мисаки нет. Вот такой вот вывод.

Мне даже казалось сперва, что это некая разновидность «издевательства» – о таких вещах сейчас много говорят. Издевательство, выражающееся в том, что весь класс ее начисто игнорирует. Но – кстати, я и Мидзуно-сан это тоже говорил – даже если так, все равно в этом есть что-то странное.

В прошлом году я вляпался в историю с «Саакибарой» и на собственной шкуре испытал, как это погано. Может, я из-за этого стал слишком восприимчивым. То, что происходит здесь, совершенно не похоже на обычное издевательство в виде бойкота. Звучит туманно, но атмосфера вокруг этого всего какая-то другая. Слишком другая.

«Может, они ее боятся».

А, да. И Мидзуно-сан тоже о чем-то таком говорила...

...Так или иначе.

Мей Мисаки существует или нет?

Я размышлял, где правда, а где нет, но разобраться было чертовски трудно. В том-то и проблема. И она останется, если я что-то не предприму.

Я вновь и вновь кидался от одной теории к другой, от одной крайности к другой, колеблясь под влиянием собственного душевного состояния и всякий раз внушая себе, что других вариантов нет. Но...

Сегодня наконец я почувствовал, что нашел один из ответов, так сказать, личным опытом. Нельзя сказать, что я все понял, но, похоже, я прочувствовал «форму» того, что было в основе.

Это было – это. То, что сейчас происходило со мной.

Что-то вроде этого с самого начала происходило и с Мей.

Чтобы убедиться, я посреди шестого урока (японского языка) встал, не спросив разрешения, и вышел в коридор. По классу пронесся легкий шорох, но Кубодера-сэнсэй не сказал мне ни слова упрека. Ага. Значит, это правда.

Я подошел к окну и посмотрел в затянутое облаками низкое, дождливое небо. На душе у меня было тоскливо, но в то же время – чуточку полегче.

Кажется, теперь я более-менее знаю ответ на вопрос «Что происходит?».

Следующий вопрос – «Почему?».

4

Как только кончился шестой урок, я молча вошел обратно в класс. Кубодера-сэнсэй вышел, не сказав мне ни слова и даже не взглянув в мою сторону. Как будто ничего необычного не произошло.

Я направился к своей парте, чтобы забрать сумку, когда случайно встретился глазами с Мотидзуки, собирающим свои вещи. Как и раньше, он сразу отвернулся; но я успел заметить, что его губы коротко шевельнулись. В их движении я прочел слово «прости».

«Скоро может кое-что произойти, и тебе это покажется очень неприятным».

Без приглашения в голове у меня всплыли слова, сказанные Мотидзуки при нашей встрече в субботу.

«Но если даже после этого тебе будет плохо... нужно, чтобы ты с этим примирился».

Он сказал мне это с очень серьезным видом. Повесив голову и вздохнув.

«Просто скажи себе, что это для общего блага. Пожалуйста».

Для общего блага... возможно, ответ на вопрос «почему?» где-то здесь и лежит.

Вернувшись на свое место, я сунул в сумку учебник и тетрадь. Потом, чтобы убедиться, что ничего не забыл, я заглянул в парту и –

Обнаружил там что-то, что, если мне не изменяет память, я туда не клал.

Два сложенных пополам листа бумаги.

Достав их и развернув, я тихо охнул от неожиданности и тут же огляделся – но Мотидзуки в классе уже не было.

Эти два листа были копией списка класса 3-3. Наверняка это Мотидзуки сделал – дал мне то, что я попросил у него в субботу...

На тыльной стороне первого листа он написал что-то зеленой ручкой. Почерк у него был кошмарный, сплошные каракули... но все же я с трудом разобрал:

Извини.

Спроси Мисаки-сан, что происходит.

Я еще раз огляделся и, понизив голос, пробормотал:

- Ладно.

Он явно написал «Мисаки-сан». Нашелся человек, который непосредственно назвал мне ее имя. Напрямую признал существование «Мей Мисаки». Впервые за все время.

Все-таки Мей Мисаки есть. Она правда существует.

Придя в чувство, я с усилием подавил просящиеся наружу слезы.

Перевернув список обратно, я пробежался глазами по именам учеников. И сразу нашел искомое.

Имя «Мей Мисаки» там было – ошибиться невозможно. Правда, написанные в соседней ячейке адрес и телефон были перечеркнуты двумя линиями. Что это значило? Как прикажете интерпретировать?

Несмотря на зачеркивание, разобрать адрес и телефон оказалось легко.

4-4, Мисаки, Ёмияма

Вот адрес Мей Мисаки.

Естественно, я знал район Мисаки, и квартал 4-4 я тоже помнил. Никаких сомнений.

«Пустые синие глаза в сумраке Ёми». Здание, где была та кукольная выставка, – это и был дом Мей.

5

Трубку взяла женщина – возможно, мать Мей.

- Ээ, Мей... Мисаки-сан дома? Я, э, Сакакибара из ее класса.

- ...Прошу прощения? – ответила она; голос ее прозвучал несколько удивленно, а может, обеспокоенно. – Сакакибара... сан?

- Коити Сакакибара, да. Я учусь в Северном Ёми, в классе три-три, вместе с... эээ, Мисаки-сан же здесь живет, да?

- ...Да.

- Мей-сан сейчас дома?..

- ...Не знаю.

- Она сегодня не пришла в школу, ну и... эмм, если она дома, не передадите ей трубку?

Раз уж я узнал ее адрес и телефон, пути назад не было. Выйдя из корпуса, я отправился в уголок школьного двора, куда мало кто заглядывал, и набрал номер на своем мобильнике.

Женщина (возможно, мать Мей) снова ответила с явным замешательством в голосе:

- ...Я не знаю.

Я поднажал еще:

- Пожалуйста.

Секунду помолчав, она наконец сказала:

- Хорошо. Одну минуту, пожалуйста.

Последовала довольно приличная пауза, в течение которой я слушал заикленную, хриплую версию «К Элизе» (даже я знаю, как эта мелодия называется), и наконец...

- Да? - раздался в динамике голос Мей. Я крепче сжал трубку.

- Ээ, это Сакакибара. Прости, что так вот внезапно звоню.

На две-три секунды повисла какая-то странная тишина, потом Мей коротко спросила:

- Чего тебе?

- Встретиться бы, - тут же ответил я. - Хочу спросить тебя кое о чем.

- Ты хочешь меня о чем-то спросить?

- Да, - ответил я и тут же добавил: - Значит, ты там и живешь, да? Там, где выставка кукол в Мисаки.

- Я думала, ты уже знаешь.

- Разве что в подсознании... а так не был уверен, пока не увидел список класса. Мне Мотидзуки дал копию. Но он мне сказал у тебя спросить, что творится.

- Вот как?

Ее реакция была апатичной - точнее, смахивала на нарочитую незаинтересованность. Я, наоборот, произнес еще энергичнее:

- Икуо Такабаяси умер, ты знаешь?

- Э!..

Вот теперь я получил правильную реакцию - короткий потрясенный вздох. Похоже, она еще не знала.

- Это было внезапно, в субботу днем, от сердечного приступа. Хотя говорят, что у него всегда были проблемы со здоровьем.

- ...А, - к ней вновь вернулась ее отстраненная манера, причем, похоже, в еще большей степени, чем раньше. - Уже вторая смерть в июне.

Вторая смерть в июне. В смысле, первая – это Мидзуно-сан?

– А сегодня... – смело продолжил я. – Когда я пришел в школу, весь класс как-то странно себя вел. Как будто они все сговорились делать вид, что меня нет.

– Тебя, Саакибара-кун?

– Ага. Весь день с самого утра. И я подумал, наверно, это то самое, что они с тобой делают...

Короткое молчание. И наконец –

– Значит, они решили попробовать это, – тяжело вздохнув, произнесла Мей.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я, повысив голос. – Почему они все это делают?

Я выждал столько же, сколько она молчала в прошлый раз, но ответа так и не было. Поэтому я продолжил, контролируя голос получше:

– В общем... я поэтому и хочу встретиться и узнать у тебя, что происходит.

– ...

– Эй, ну давай встретимся, а?

– ...

– Ну Мисаки...

– Ладно, – очень тихо ответила она. – Ты сейчас где?

– Пока еще в школе. Как раз собираюсь уходить.

– Приходи сюда. Ты ведь знаешь дорогу, да?

– А, ага.

– Хорошо. Давай примерно через полчаса. В подвальной комнате. Идет?

– Отлично. Я выхожу.

– Я скажу бабушке Аманэ, что ты придешь. И буду ждать.

Имя «Аманэ» пишется кандзи, означающими «Исток неба», – это я узнал позже. Слово «бабушка» напомнило мне о той старухе, которая встречала посетителей за столом у входа.

6

Итак, я в третий раз посетил «Пустые синие глаза в сумраке Ёми».

Тускло звякнувший колокольчик. Голос седой старухи, здоровающейся со мной. Сумеречная, почти закатная комната...

– Мей внизу, – произнесла женщина, едва увидела мое лицо. – Проходи. Платить не нужно.

На первом этаже выставки посетителей не было.

«Других посетителей все равно сейчас нет».

Да. Старуха дважды сказала мне это – оба прошлых раза, когда я сюда заходил. «Других посетителей нет»... и тем не менее.

Оба раза, когда я спускался в подвал, там была Мей.

Меня все это время потихоньку грызла мысль, почему так. Мне это казалось странным... что склоняло меня, хоть и слегка, к версии «Мей Мисаки не существует».

А ответ-то был простейшим из всех возможных.

Теперь, когда я его знаю, ясно вижу: ничего странного тут нет. Не было ничего такого загадочного в словах старухи; она оба раза сообщила мне голый факт.

«Других посетителей все равно нет...»

Она была абсолютно права.

Потому что Мей – не посетитель. Этот дом, включая выставку, – и есть дом Мей.

Тихими шагами я прошел между рядами кукол, направляясь к задней лестнице. И снова глубоко дыша за тех, кто сам дышать не мог.

Сегодня на выставке играла не струнная музыка, а въедающийся в память женский вокал. Слова на фоне такой же въедающейся мелодии были не на английском и не на японском. Возможно, на французском.

Время было – без малого четыре. И в похожей на гробницу подвальной комнате, погруженной в холод куда более сильный, чем на первом этаже, в самой середине –

Стояла Мей. Толстая черная водолазка, черные же джинсы – впервые я увидел ее не в школьной форме.

Сражаясь с нарастающим во мне напряжением, я небрежно вскинул руку.

– Привет.

– Ну? – спросила она с самой микроскопической из микроскопических улыбок. – Как тебе нравится не существовать?

– Не очень, – ответил я, нарочито поджав губы. – Но... знаешь, все равно как-то легче на душе стало.

– О? С чего это?

– Потому что теперь я знаю, что Мей Мисаки существует.

Однако...

Все же: а вдруг девушки, стоящей передо мной, на самом деле нет... Даже сейчас сомнение на миг шмыгнуло мне в голову.

Я изо всех сил заморгал, прогоняя непрошеную мысль, потом уставился на Мей и, не отводя

взгляда, подошел на шаг.

- Когда я в первый раз сюда пришел... - я заговорил, чисто чтобы самому слышать свой голос, - ты мне сказала: «Я спускаюсь иногда сюда. Мне здесь нравится». И сумки тогда у тебя не было, хотя ты только что пришла из школы... Отсюда вывод, что обычно ты живешь здесь на каком-то из верхних этажей и «спускаешься иногда сюда». В тот день ты пришла домой, оставила сумку, а потом спустилась, потому что была в настроении.

- Естественно, - кивнула Мей и вновь чуть-чуть улыбнулась. Я продолжил:

- Я тебя спросил, живешь ли ты где-то рядом, и ты ответила «ага». Потому что...

- Ну, мы живем в этом доме на третьем этаже. Слово «рядом» вполне уместно, как ты думаешь?

Да, вот что она имела в виду.

- Та пожилая женщина, которая всегда сидит возле входа, - это ее ты назвала «бабушка Аманэ»?

- Она мамина тетя. Мне, значит, двоюродная бабушка. Мамина мама умерла молодой, так что она мне как будто просто бабушка, - ответила Мей равнодушно, но без запинки. - Ей вреден яркий свет, поэтому она в последнее время постоянно носит эти очки. Она говорит, что людей различает нормально, так что, думаю, работать это ей не мешает.

- По телефону тогда твоя мама ответила?

- Ты ее удивил. Мне никогда не звонят другие ученики.

- А. Эмм, может, мне просто показалось, но твоя мама, эээ...

- Моя мама что?

- В смысле, это твоя мама сделала всех этих кукол? Она и есть Кирика?

- Да, - без намека на раскаяние кивнула Мей. - Кирика - ее псевдоним, ты, наверное, догадываешься. Настоящее имя гораздо прозаичнее. В основном она безвылазно сидит в мастерской на втором этаже - делает кукол, рисует картины и бог знает чем еще занимается. Она сдвинутая.

- «М» в «Студии М» означает «Мисаки»?

- Не так уж сложно догадаться, правда?

Женщина средних лет в ярко-желтой одежде, которую я видел на площадке наружной лестницы во второй свой приход сюда. Я и раньше понял, что она имеет отношение к кукольной студии, но неужели это и есть мать Мей - кукольник Кирика?

- А с твоим отцом что?

Мей отвела глаза.

- Что и с твоим.

- В смысле... он за границей?

- Кажется, сейчас он в Германии. Он по полгода за границей, а половину оставшегося времени торчит в Токио.

- Он торговлей, что ли, занимается, или чем-то в этом роде?

- Понятия не имею. Я плохо представляю, чем он занимается. Но думаю, у него денег куры не клюют, раз он построил этот дом и разрешает маме делать что хочет.

- Уаа.

- Нас можно назвать семьей, конечно, но она не сказать чтоб очень крепкая. По мне так и ладно.

Туман, который подобно облаку водянистых чернил постоянно окутывал личность Мей Мисаки. То, что он начал потихоньку рассеиваться, меня почему-то слегка сбilo с толку.

- Хочешь, перейдем на третий этаж? - предложила Мей. - Или предпочитаешь продолжить разговор здесь?

- Ээ, здесь нормально.

- Ты ведь плохо перевариваешь эту комнату, да, Саакибара-кун?

- Не то чтобы я ее не переваривал...

- Но ты к ней еще не привык, правда? К этой атмосфере, к пустоте кукол? Наверняка у тебя еще много вопросов.

- Аа, ага, много.

- Тогда...

Мей развернулась и молча зашагала в заднюю часть комнаты. Обошла черный гроб с куклой девушки, поразительно похожей на нее, - и исчезла. С некоторым запозданием я поспешил за ней.

За гробом на стене висела темно-красная портьера; как и в прошлый раз, она чуть колыхалась от дуновения кондиционера.

Мей выглянула из-за портьеры, потом молча отдернула ее. Там -

Я увидел металлическую дверь кремового цвета.

Рядом на стене была прямоугольная пластмассовая кнопка.

- Ты знал, что она тут есть? - спросила Мей, нажав кнопку.

Я кивнул.

- Когда я в прошлый раз пришел, ты здесь исчезла. Я тогда же проверил за портьерой.

С низким гудением железные створки раздвинулись. За ними оказалась кабина лифта,

связывающего подвал с верхними этажами.

– Прошу, Сакакибара-кун, – войдя в лифт, Мей жестом пригласила меня сделать то же самое. – Поговорим обо всем наверху.

7

Три черных кожаных софы стояли вокруг низкого стеклянного столика. Одна двухместная и две одноместных. Плюхнувшись на одну из одноместных соф, Мей коротко вздохнула и посмотрела на меня.

– Давай. Сядь хотя бы.

– А... ну да.

– Пить хочешь?

– Ээ, не... спасибо.

– Я хочу. Тебе лимонный чай? Или с молоком?

– Мм, на твое усмотрение.

Мы поднялись на лифте в квартиру семьи Мисаки. Мое первое впечатление было – что здесь почти не живут... если вообще живут.

Мы очутились в просторной гостиной (по совместительству столовой). Для такой площади мебели было неуютно мало, вдобавок каждая деталь была идеально точно выставлена на свое место. Пульт от телевизора, небрежно кинутый посреди стола, казался каким-то чужеродным предметом.

Окна были закрыты, работал кондиционер. Причем работал на полную мощность, несмотря на начало июня.

Мей встала с софы и отправилась на кухню; практически тут же вернулась с двумя банками черного чая.

– Держи.

Поставив одну банку на стол передо мной, она открыла вторую и снова плюхнулась на свое место.

– Ну? – Мей, отпив чая, спокойно посмотрела на меня. – С чего хочешь начать?

– Мм... это...

– Может, будешь спрашивать? Думаю, так будет проще.

– Я думал, ты ненавидишь допросы.

– Ненавижу. Но сегодня разрешаю, – с интонацией учительницы произнесла Мей, потом улыбнулась, явно забавляясь ситуацией. Я тоже невольно расслабился, но тут же снова взял себя в руки и выпрямился.

- Ладно. Для начала хочу просто уточнить кое-что. Мей Мисаки – ты живая?

- А ты думал, что я призрак?

- Честно говоря, иногда возникали такие мысли.

- Думаю, нельзя тебя в этом винить, – Мей снова юморно улыбнулась. – Но теперь-то, надеюсь, ты не сомневаешься. Если мы говорим о том, существую я или нет, то да, я живая. Самый настоящий человек из плоти и крови. Что «меня нет», считают только те, кто имеют отношение к классу три-три в Северном Ёми. Кстати, в их число должен был входить и ты, Сакакибара-кун.

- Я?

- Да. Но эта затея провалилась с самого начала. А теперь ты такой же, как я, и... это трудновато объяснить.

Я сунул в уголок памяти слова «провалилась» и «как я» и задал следующий вопрос.

- Когда это все началось? Когда весь класс начал делать вид, что ученицы по имени Мей Мисаки не существует? Это всегда так было?

- Что ты подразумеваешь под «всегда»?

- Ну, с самого начала третьего года? Или раньше?

- После того, как мы поступили в класс три-три, конечно. Но не сразу.

Улыбки на лице Мей больше не было.

- Когда новый триместр только начался, мы думали, что это «обычный год». Но потом мы выяснили, что, возможно, это не так, и в конце апреля начались обсуждения... В общем, если быть точной, – все началось первого мая.

- Первого мая?

- Ты, когда выписался из больницы, впервые пришел в Северный Ёми шестого, да?

- Ага.

- Это началось в пятницу неделей раньше. Потом было три выходных, так что, по сути, ты пришел на третий день.

Что, так недавно? Новая информация слегка выбила меня из колеи. У меня сложилось ощущение, будто это длилось гораздо дольше – уж по крайней мере дольше, чем я живу в Йомияме, – и без перерыва.

- Наверняка тебе уже в первый день многое показалось странным.

- Это уж точно, – закивал я. – Как только я с тобой заговаривал или хотя бы упоминал твое имя, всякий раз Кадзами и Тэсигавара... да вообще все так странно реагировали. Они как будто хотели сказать что-то, но так никто ничего и не сказал.

- Они на самом деле хотели рассказать, но просто не могли. Думаю, так само получилось. Они

сами подпилили свой сук. Они должны были все тебе рассказать еще до того, как ты пришел в школу, но не рассказали и теперь расплачиваются.

- Что это все значит?

- Ты должен был вести себя как все и обращаться со мной так, как будто «меня нет». Иначе не сработает... но тогда они вряд ли воспринимали это всерьез. Помнишь, что я тебе говорила? Что даже я в глубине души сомневалась. Что... не была уверена на сто процентов.

Ну да, я помнил, как она что-то такое говорила, но...

- Это ведь не просто «измывательство», да? – продолжил я задавать вопросы.

- Конечно. Вряд ли хоть кто-то это так воспринимает.

- ...Тогда почему это именно с тобой?

- Кто его знает? – Мей склонила голову набок. – Так в итоге получилось. Я и так мало с кем общалась, да еще и фамилия у меня Мисаки... Может быть, это всем показалось идеальным вариантом. В каком-то смысле так и мне легче.

- Легче? Ты это не...

- Я это не всерьез?

- Вот именно, так нельзя всерьез говорить. Просто не может быть ничего хорошего, когда весь класс и даже учителя сговариваются и игнорируют одного ученика.

Я повысил голос в конце фразы, но Мей и ухом не повела.

- Уверена, учителя, которые преподают в классе три-три, между собой договаривались отдельно от учеников, – упрямым, бесстрастным голосом произнесла она. – Скажем, никто не устраивает переключку. Некоторые учителя в других классах делают переключку, а в нашем нет. Ну, чтобы им не пришлось произносить мое имя. И только в три-три нет этой церемонии «встать – поклон». По той же самой причине учителя ни на одном уроке в нашем классе не ходят по рядам, спрашивая всех подряд. Меня никогда не вызывают, и если я прогуливаю или ухожу посреди урока, мне никто не делает замечания. В дежурствах по школе, во всяких уборках я тоже не участвую. Учителя на этот счет между собой договорились. И на промежуточных экзаменах – от них, думаю, меня освободить никак не могли, но им было наплевать, что я пишу на бланке всякую ерунду, лишь бы поскорее уйти. Как и всем остальным...

- И физкультура тоже?

- Что физкультура?

- Раз они проводят физру с парнями и девчонками отдельно, я слышал, что классы занимаются спаренно – один и два, четыре и пять; а наш класс три занимается один. Я всегда думал, что это странно. Логично, что если классов нечетное количество, то какой-то один должен остаться, но почему именно третий?

- Чтобы другие классы в это не втягивать. Чтобы впутывать меньше учеников. Может быть, поэтому они так сделали. Хотя на физкультуре всегда есть «договоренность», что тот, которого

«нет», ни в чем не участвует и просто сидит в стороне.

– Договоренность, значит?..

Это слово вызвало в памяти кое-что.

«Подчиняться любому решению класса».

Третий «Основной принцип Северного Ёми», который сказала мне Рейко-сан. И еще в четверг на прошлой неделе Кубодера-сэнсэй в пустом классе произнес...

«Необходимо подчиняться любому решению класса. Согласен?»

Полностью вымотанный, я глубоко вздохнул и потянулся к банке, которую мне принесла Мей. Это был безумно холодный лимонный чай. Я открыл банку и уполовинил ее одним глотком.

– Если мы в каждую мелкую деталь полезем, то никогда не кончим.

Я снова взглянул Мей в лицо.

– В общем, со мной с сегодняшнего утра происходит то же самое, что с тобой – с начала мая. После того, что было в школе сегодня, я, кажется, более-менее понимаю, что происходит. Но я по-прежнему не могу понять, почему они это делают.

Да. Главный вопрос – «почему?»

Это нельзя назвать обычным «издевательством». Сама Мей так сказала, хотя именно она и прошла через это. И я с ней согласен. Но, с другой стороны...

Все ученики и учителя сговорились обращаться с одной конкретной ученицей так, как будто ее «нет». В обычной ситуации – нет, это не простое «издевательство». Это злобное, слишком жестокое издевательство. Вот почему у меня даже голос охрип, когда я сказал, что «просто не может быть ничего хорошего, когда весь класс и даже учителя сговариваются и игнорируют одного ученика». Но...

Воспринимать все это под углом «издеательства» неправильно; здесь просто нет логики. И это факт.

В отличие от настоящего издеательства, здесь в действиях и учеников, и учителей не чувствуется злобы. Нет ни презрения, ни насмешек над жертвой, а значит, не может быть и намерения укрепить связи в коллективе, выделив из него козла отпущения... Так это для меня выглядело.

Вместо всего этого был у них страх, даже ужас... так для меня это выглядело тоже.

Сначала я думал, что они боятся Мей, но это не так. Похоже, страх и ужас вызывала не сама Мей, а что-то другое, невидимое...

– Сейчас все в отчаянии, – произнесла Мей.

– В отчаянии?

– После того как в мае умерли Сакураги-сан и ее мать, они уже не могут «наполовину верить». Потом начался июнь, и умерли еще двое. Теперь уже ясно – началось.

...Ненамного понятнее стало.

– Так все-таки... почему? – спросил я, между словами глотая воздух, чтобы подпитать уставшие легкие. – Как это все между собой связано? Почему все сговариваются против одного и ведут себя так, будто его «нет»? Это же бессмысленно.

– Что, ты серьезно так думаешь?

– Ну да.

Летняя форма с короткими рукавами оставляла руки открытыми, и они покрылись «гусиной кожей», никак не желающей уходить. И не только из-за того, что кондиционер слишком уж старался.

– Помнишь ту историю про Мисаки двадцать шесть лет назад? – спросила после паузы Мей, положив левую ладонь на свою повязку, будто пряча ее.

Двадцать шесть лет назад?.. А, значит, это все действительно имеет какое-то отношение к тем событиям.

– Конечно, – я подался вперед, по-прежнему сидя на софе.

Держа руку поверх повязки, Мей стала тихо рассказывать:

– Мисаки, ученик или ученица класса три-три, которого все любили, умер, но все делали вид, что «все равно Мисаки с нами»... А в день выпуска на фото класса появилось изображение Мисаки, которого там просто не могло быть. Если не ошибаюсь, мы на этом остановились.

– Угу.

– Ты до сих пор не знаешь, что было дальше?

– Мне никто не рассказывает.

– Тогда я сейчас расскажу, – и Мей облизала губы розовым языком. – То, что произошло двадцать шесть лет назад, послужило толчком; именно тогда класс три-три стал ближе к «смерти».

– Ближе к смерти?..

Вообще-то в мой первый день в школе Мей тоже нечто подобное сказала, когда мы разговаривали на крыше корпуса С. Я отчетливо помнил ее слова.

«Класс три-три ближе к смерти, чем остальные. Ближе, чем любой другой класс в любой школе. Намного ближе».

– Что это значит?

Я склонил голову набок и потер предплечья.

– В первый раз это случилось двадцать пять лет назад. Класс Мисаки уже выпустился, а случилось уже со следующим классом три-три. И потом это еще случалось, хотя и не каждый год. Примерно раз в два года.

- И что же это?..

- Я буду рассказывать так, как сама понимаю, но должна предупредить сразу: все это я слышала от других. Эта история передавалась из уст в уста в течение многих лет.

В общем, что-то вроде легенды... нет, ситуация не располагала к тому, чтобы так просто отмахнуться. Я деревянно кивнул, не отводя взгляда от губ Мей.

- У учеников свои каналы передачи информации, совершенно не те, что у учителей. Предыдущий класс три-три рассказывает следующему. Так и я узнала большую часть этого всего. Конечно, что-то расползается и по другим классам, но для них это вроде слуха; по сути, это тайна, которую знает только класс три-три и те, кто с ним связаны, и эту тайну категорически запрещено рассказывать другим. Поэтому -

- Да не томи уже, что за «это» такое?

Я продолжал тереть предплечья, не в силах остановиться.

- Некое таинственное событие, которое впервые произошло с классом три-три двадцать пять лет назад, - уронила Мей. Потом сделала паузу, и я затаил дыхание. - Когда это случилось - то есть когда началось, я имею в виду - в том классе три-три каждый месяц, без исключения, умирал как минимум один человек. Иногда сами ученики, иногда их родственники. Умирали от аварий, от болезней, кончали с собой, влипали в какие-то случайные происшествия. Некоторые говорили, что это проклятие.

Проклятие... «Проклятие класса 3-3», да?

- И что это? - снова спросил я. - Что это за «таинственное событие»?

- В общем... - Мей наконец убрала руку от повязки. - В классе появляется лишний ученик. Никто не замечает, когда именно он добавляется. Просто есть один лишний, и никто не может придумать, как его вычислить.

8

- Есть один лишний? - повторил я за ней, ничего не понимая. - Кто-то же должен...

- Еще раз говорю, мы не знаем, кто это, - ответила Мей с тем же бесстрастным выражением лица. - Впервые это случилось двадцать пять лет назад. В апреле 1973 года. Когда начался триместр, вдруг выяснилось, что в классе не хватает одной парты. Они были уверены, что поставили в кабинет ровно столько парт, сколько было учеников в том году. И все равно - когда начались занятия, оказалось, что парт на одну меньше.

- Из-за того, что учеников стало больше?

- Да. Но кто лишний, сказать невозможно. Можно всех по очереди спросить, но никто не говорит, что это он, и никто другой тоже не знает.

- ...И все равно, - не в силах въехать в эту историю, я задал самый очевидный вопрос: - Они что, не могут посмотреть в классном журнале или в других школьных документах?

- Это не работает. Где бы они ни смотрели - классный журнал, какие угодно документы, - все сходится. Скорее, никто не может сказать, что документы не сходятся, потому что все так

меняется – ну, как будто всюду все подчищено – и ничего уже нельзя доказать. Просто не хватает одной парты.

– Подчищено? То есть кто-то втихаря подправляет документы?

– «Подчищено» – это метафора. Понимаешь, дело не только в документах. Память у всех тоже меняется.

– Ээээ?

– Ты считаешь, что это невозможно, да?

– Ну... да.

– Но, по-видимому, это и происходит.

Мей смотрела очень озадаченно, явно пытаюсь придумать, как же это все объяснить.

– В общем, человек такое сделать не может. Это вот такой вот «феномен». По крайней мере так мне объяснил один человек.

– Феномен...

Бррр... я с трудом врубался в ее объяснение.

Подчистка документов? Вмешательство в воспоминания людей? Такие штуки просто...

«Когда человек умирает, всегда проходят похороны».

Не знаю, почему, но вдруг в ушах у меня прозвучал старческий голос дедушки. А следом поднялся густой шум, «дзззззз»... словно пытающийся заслонить этот голос.

«Я не хочу... не хочу больше ходить на похороны».

– Сначала они просто решили, что кто-то обсчитался; достали еще одну парту и стул и выкинули это из головы. Вполне естественно, на мой взгляд. Чтобы учеников вдруг стало на одного больше и никто этого не заметил – такого вообще-то не бывает. Никто и не воспринял это всерьез. Но затем... – правый глаз Мей, не скрытый под повязкой, медленно закрылся, потом снова открылся. – Как я уже сказала, каждый месяц, начиная с апреля, люди, имеющие отношение к классу, стали умирать. И это несомненно.

– Каждый месяц... и так целый год?

– В 1973, кажется, шесть учеников и десять их родственников. Это трудно назвать нормальным.

– Да уж, – с последним утверждением попробуй поспорь. – Если такое правда произошло...

Шестнадцать человек за один год. Я прекрасно понимал, что это число выходит за все рамки разумного.

Мей снова медленно закрыла и открыла правый глаз, затем продолжила:

– На следующий год... было то же самое. Когда начался первый триместр, одной парты не хватило, а потом каждый месяц кто-то умирал... И тогда уже они поняли, что это что-то

неординарное. И тогда же некоторые стали говорить, что это проклятие...

Да... «проклятие класса 3-3».

- Если это проклятие, то кто его наслал? – спросил я. Мей ответила все тем же спокойным тоном:

- Это проклятие Мисаки, умершего или умершей двадцать шесть лет назад.

- Но зачем Мисаки накладывать проклятие? – возразил я. – Нельзя ведь сказать, что с ним в классе как-то ужасно обходились или еще что-то? Всем было очень грустно, что такой ученик так внезапно умер... так ведь? И этот Мисаки все равно всех проклял?

- Странно, да? Я тоже так считаю. Но один человек сказал мне, что это не то, что обычно называют проклятием.

- А этот «один человек» – это кто? – задал я уже начавший занимать меня вопрос. Но Мей вместо ответа попыталась продолжить свой рассказ.

- Так вот...

- Стоп, – перебил я ее и прижал большой палец к левому виску. – Дай привести мысли в порядок. Значит, двадцать шесть лет назад умер Мисаки из класса три-три. На следующий год в классе был «один лишний», но никто не знал, кто именно. Потом каждый месяц стали умирать дети и их родственники. Я что имею в виду – какая вообще здесь логика? Почему люди умирают, когда в классе кто-то лишний? Почему...

- Не думаю, что тут есть какая-то формальная логика, – Мей качнула головой. – Я в этих делах не очень специалист. Просто все то, что до сих пор происходило, я не знаю, складывается в какую-то определенную картину. Все, кто связан с классом три-три, знают эту историю – она передается из поколения в поколение.

Потом, понизив голос, она добавила:

- Этот кто-то – «мертвый».

9

- ...Чего?

Кончик моего большого пальца еще сильнее вжался в висок.

- Ээ, ты про... Мисаки, который умер двадцать шесть лет назад?

- Нет, тут не так, – Мей снова чуть качнула головой. – Не Мисаки. Какой-то другой «мертвый».

- Мертвый...

Слова, накарябанные на парте Мей в классе...

«Кто мертвый?»

...промелькнули у меня перед глазами.

- Все началось из-за того, что весь класс три-три двадцать шесть лет назад делал вид. Они говорили, что их умерший одноклассник Мисаки «не умер», «жив, с нами, прямо здесь», и продолжали это все целый год. И в итоге, когда они в день выпуска сделали общее фото, там они увидели и Мисаки, которого вообще не должно было быть среди живых. Если подумать, это можно трактовать так: они сами вызвали «мертвого».

Мей говорила все с тем же бесстрастным лицом.

- То есть... возможно, это и был толчок, и из-за этого теперь класс три-три Северного Ёми «ближе всех к смерти». Может быть, класс стал каким-то местом, каким-то маяком, который притягивает «мертвых». Что-то в этом роде.

- Притягивает мертвых?

- Да. Рационального объяснения, естественно, нет, но тем не менее это начало происходить. И происходит до сих пор.

Как и в прошлый раз, когда Мей рассказывала мне эту историю в окружении кукол внизу, тон ее в какой-то момент изменился, словно тайны всего мира лежали перед ней.

- «Мертвый» - часть класса, потому что класс ближе к смерти. Но, думаю, можно и с другой точки зрения взглянуть. Поскольку мертвый проникает в класс, мы становимся ближе к смерти. Так или иначе - понимаешь, Сакакибара-кун - «смерть» - это пустота. Как куклы. Если ты подходишь слишком близко, она притягивает тебя. Вот почему...

- Вот почему каждый месяц кто-то умирает?

- Подумай вот под каким углом, - ответила Мей. - Хотя это я сама придумала. Чем ближе мы к смерти, тем легче людям умирать по сравнению со всеми другими «местами».

- И что это значит?

- Скажем, даже если твоя жизнь будет такой же, у тебя больше шансов попасть в аварию. Даже в одной и той же аварии у тебя больше шансов получить тяжелую рану. Даже от одной и той же раны у тебя больше шансов умереть. Как-то так.

- А...

Стало быть, «проклятие» проявляется в том, что все области жизни становятся более рискованными, и риски растут до тех пор, пока в конце концов ты не вляпываешься и не умираешь? Она такую интерпретацию предлагает?

Значит, именно поэтому с Юкари Сакураги произошла та цепь несчастных совпадений, которая в конце концов лишила ее жизни? Именно поэтому Мидзуно-сан погибла в той аварии с лифтом?

- ...Но это не...

Это не имеет смысла - так я подумал.

Как вообще можно в такое поверить? Если рассуждать, подключив здравый смысл, это просто бред. Нельзя же...

«Кстати, Сакакибара! А ты веришь в привидения, проклятья, всякое такое?»

В моем сконфуженном сознании всплыла некая сцена.

«Вообще в так называемые паранормальные явления?»

Эти вопросы мне вдруг, ни с того ни с сего, задали Тэсигавара и Кадзами на большой перемене в первый же мой день в школе. Они так прощупывали почву? Чтобы потом рассказать новенькому про это?

И все же в подробности они не углублялись...

...Ну конечно.

Потому что именно тогда я увидел Мей, сидящую на лавке возле клумбы перед нулевым корпусом. И, не обращая внимания на их тревожную реакцию, поспешил к ней... Неужели поэтому?

- Эмм, ты не против, если я спрошу еще пару вещей? - и я убрал палец от виска.

- Вперед, - ответила Мей, поглаживая повязку на левом глазу. - Но учти, я не эксперт. И тоже много чего не понимаю.

- Хорошо, - кивнул я и выпрямился. - Ээ, в первую очередь... Ты сказала, что лишний - это и есть «мертвый», да? Это значит, он привидение, что ли?

- Ну... - Мей склонила голову набок. - По-видимому, это не то, что обычно понимают под «привидением». Это не что-то нематериальное. Судя по всему, у него реальное физическое тело.

- Физическое тело...

- Странно звучит, но «мертвый» ничем не отличается от живых. У него настоящее тело, из плоти и крови.

- Типа как зомби, значит?

- Мм... - Мей снова склонила голову набок и посмотрела на меня. - Мне кажется, это другое. Они не охотятся на людей, не едят их и так далее.

- Думаешь?

- И когда люди умирают каждый месяц, это же не то что «мертвый» тянет к ним руки и убивает. У «мертвого» есть чувства, у него достаточно воспоминаний, чтобы полностью влиться в общество, и он понятия не имеет, что он «мертвый». Потому-то его и нельзя вычислить.

- Хмммм. Но тогда... - и я медленно задал следующий вопрос. - Хотя в какой-то момент можно все-таки понять, что именно этот и есть «лишний»?

- Да. Говорят, это всегда узнают после выпуска.

- И как же?

- Лишний просто исчезает. И, говорят, все документы и воспоминания людей тоже становятся такими же, как раньше были.

- А те люди, которые входят в класс как «мертвые», они кто? Они имеют или нет какое-то отношение к классу?

- Точно не знаю... а, но есть что-то вроде правила.

- Правила?

- Это всегда кто-то, кто раньше умер как часть этого «явления». Или бывший ученик класса три-три, или его младший брат или сестра, или...

- Тогда кто был в первый раз, двадцать пять лет назад? Сам Мисаки, который умер в прошлом году? Но тогда разве кто-нибудь не...

Кто-нибудь наверняка понял бы, что «Мисаки здесь», не так ли? Видимо, эта мысль доказывала, что я по-прежнему не мог отбросить «рациональное мышление».

- Столько изменений и подчисток происходят сами собой, так что, думаю, ничего удивительного не было бы, даже если бы это действительно был Мисаки, - ответила Мей. - Но, насколько я слышала, в тот год было другое.

- Тогда кто?

- Младший то ли брат, то ли сестра Мисаки. Этот человек погиб вместе с Мисаки... и был на год его младше, так что в том году как раз должен был учиться в третьем классе.

- Младший брат или сестра Мисаки... понятно, - повторил я, а потом не удержался от того, чтобышний раз уточнить: - Ты хочешь сказать, что целый год никто - ни учителя, ни ученики - не замечал, что в классе учится человек, который умер в прошлом году? Они это так и приняли, как будто ничего особенного?

- Именно это я и хочу сказать, - кивнула Мей, потом протяжно вздохнула и закрыла глаз - живое воплощение опустошенности. Секунды три прошло, прежде чем она пробормотала:

- Но... - ее правый глаз самую малость приоткрылся. - Действительно, как бы я ни старалась все объяснить, историю эту трудно понять, если только начать над ней думать.

- То есть?

- В общем... - Мей смолкла, размышляя, что сказать, но, когда она снова заговорила, речь потекла без запинки. - После целого года, когда это происходит, конечно, все помнят, что много людей умерло, но, похоже, страдают воспоминания о самих этих событиях. Особенно о том, кто был «лишним» в классе. У всех это происходит по-разному: некоторые забывают сразу же, но, как правило, воспоминания просто затуманиваются со временем, и наконец...

- ...Они всё забывают?

- Я слышала от одного человека такой пример. Представь себе, что река прорывает дамбу и затапливает город. Потом вода отступает. Сам факт наводнения в памяти остается, несомненно, но воспоминания о том, что именно было затоплено и насколько сильно, постепенно стираются. И здесь как-то так. Думаю, их не «заставляют забывать» - они просто «не могут не забывать».

- ...

- Двадцать пять лет назад – это для нас как байка, мы тогда еще даже не родились, но в глобальном смысле это было совсем недавно. Но если воспоминания всех, кто был с этим связан, стираются так быстро, то все получается, как ты сказал, Саакибара-кун. История становится всего лишь страшилкой.

Губы Мей немного расслабились, но тут же ее лицо вновь застыло.

- В первые два года в этой школе до меня только обрывки слухов доходили. Как только нас распределили по классам на третий год, сразу устроили собрание, и там была пара ребят из класса три-три, которые как раз заканчивали год. Было что-то вроде «передачи эстафеты». Там я впервые услышала, что та легенда – на самом деле правда...

Ее голос звучал без запинок, в нем не было ни намека на эмоции, и все равно чувствовалось, что в сердце у Мей эмоции просто бушуют.

- Они нам все объяснили, и я поняла, что это не вранье, не шутка; что, может быть, нам следует это все воспринимать всерьез. И все равно в глубине души я верила не до конца. Что касается остальных – кто-то поверил сразу, кто-то не поверил вовсе...

В комнате вдруг зазвучала легкая мелодия – она шла из овальных часов, висящих над телевизором. Шесть вечера. Что, уже так поздно?

Не удивлюсь, если скоро мне начнет звонить бабушка: «Где ты?», «С тобой все в порядке?»

«Ужасная машинка».

Мне пришли на ум слова Мей – когда она их сказала?

«Ты можешь быть где угодно, но все равно ты не один. Тебя могут достать».

Я сунул руку в карман брюк и отключил мобильник.

- В общих чертах это вся предыстория, – сказала Мей и примостила узкий подбородок на ладони. – Хочешь узнать остальное?

- А, ага. То есть...

Как же можно не хотеть? Давай продолжай.

- Расскажи, пожалуйста, – попросил я и снова выпрямился.

10

- Вот уже двадцать пять лет происходит этот «аномальный феномен», хотя и не каждый год. Несложно догадаться, что люди пытались придумать что-нибудь, чтобы ему противостоять.

Мей начала рассказывать «остальное». Ее голос звучал так же отстраненно, как и прежде, однако чувствовалось, что она не без труда подбирает нужные слова.

- Но такая сумасшедшая тема, совершенно несовместимая с нормальной логикой... пожалуй, ее можно назвать сверхъестественной... такую историю не обсудишь со школьной администрацией.

- Это уж точно.

- Поэтому в самом начале все обсуждения стратегии шли на уровне тех, кто был непосредственно вовлечен в «проклятие класса три-три».

- И что за стратегия, экзорцизм какой-нибудь?

Простейшая идея, пришедшая мне в голову.

- Может быть, они и это пробовали, - ответила Мей без тени улыбки. - А еще - к примеру, сменить кабинет. До того класс три-три учился в старом здании - нулевом корпусе. Они думали, что, возможно, проклятие привязано к месту, к кабинету.

- Ага.

- Но ничего не вышло. Тринадцать лет назад построили новые корпуса, и кабинеты третьих классов переехали в корпус С. Видимо, они тогда надеялись, что все на этом и закончится. Но, как видишь, не закончилось.

- То есть ты хочешь сказать, что проблема не в кабинете и не в здании, а чисто в самом классе три-три?

- Именно это я и хочу сказать.

Мей ответила так же, как незадолго до того, потом снова протяжно вздохнула и закрыла глаз.

На миг мне показалось, что ее дыхание стало белым от чересчур усердной работы кондиционера. Сам того не сознавая, я вновь принялся тереть руки.

- И вот тут мы наконец подходим к главному, - произнесла Мей, приоткрыв правый глаз. - Говорят, это произошло десять лет назад. Непонятно, кому эта идея пришла в голову и он высказал ее вслух, но, так или иначе, они нашли стратегию, которая работала. Если ее придерживаться, можно уберечься от беды. Стратегия, при которой люди не умирают каждый месяц.

- А...

После этих слов некая смутная идея насчет этой «стратегии» начала формироваться у меня в голове. Вот почему. Вот. То есть...

- Мы обращаемся с кем-то, как будто «его нет»; вычеркиваем его вместо «лишнего».

Слова, сорвавшиеся с губ Мей, в точности совпали с тем, что я вообразил.

- Так в классе снова становится столько людей, сколько должно быть. Баланс сходится. И беда не приходит... благодаря этому талисману.